

УДК 811.161.1

ФУНКЦИИ ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© 2013 г.

Г.Г. Хисамова

Башкирский государственный университет

galiya.khisamova@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.12.2013

Художественный диалог представляет собой открытую динамичную структуру. Описание диалога предполагает выявление особенностей его функционирования. Статья посвящена описанию функций диалога в рассказах В.М.Шукшина.

Ключевые слова: диалог, функция, художественный текст, персонаж.

Диалог как основная и естественная форма общения представляет собой динамическую структуру, которая определяется прежде всего коммуникативной сущностью. Типология речевой коммуникации исследуется преимущественно на материале спонтанного диалога, но данное явление может исследоваться на материале художественного диалога [1].

Своеобразие художественного текста как коммуникативно направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, заключается в его антропоцентричности, культурологической значимости и способности воплощать в образной форме моделируемую автором особую художественную картину мира. В этом плане художественный диалог предстает как продукт одного из самых сложных видов коммуникации – диалог художественно-литературный, субъектами которого, помимо автора и читателя, становятся персонажи. Поэтому реализация антропоцентрического принципа при анализе художественного диалога открывает новые возможности исследования речевого поведения персонажа, представляющего процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации.

Особый интерес в этом плане представляет проза В.М.Шукшина – мастера художественного отображения национального межличностного общения. В его произведениях доминирует динамичный диалог, часто занимая почти все пространство рассказов («Сны матери», «Вянет, пропадает», «Экзамен», «В профиль и анфас» и др.).

Описание динамической структуры художественного диалога предполагает прежде всего определение особенностей его функционирования.

В данной статье предлагается интерпретировать функциональную сущность диалога как взаимосвязанную систему функций, ядро которой составляют эстетико-коммуникативная, сюжетообразующая, текстообразующая, характерологическая, оценочная функции.

Установка на объективное изображение действительности приводит писателя к тому, что он выражает себя преимущественно через диалоги персонажей, что способствует объективации повествования: устраняется субъективность рассказчика, доминирует точка зрения и слово героя. Диалог в этом случае обладает высокой степенью информативности: он движет действие, развивает сюжет, выявляет взаимоотношения персонажей, определяя их линию поведения.

Своеобразие шукшинского подхода к действительности состоит в том, что в его рассказах показано многообразие людей, моделей человеческого поведения в различных жизненных ситуациях. В основе рассказов писателя – житейская ситуация, которая становится центром повествования и служит толчком к развитию сюжета.

Рассказ «Вянет, пропадает» развертывается как бытовая сценка, в которой важная роль принадлежит диалогу, с которого и начинается текст (а следовательно, и представление основных персонажей):

– *Идет!* – крикнул Славка. – *Гусь-Хрустальный идет!*

– *Чего орешь-то?* – сердито сказала мать. – *Не можешь никак потише-то? Отойди от тудова, не торчи.*

Трое людей – мать-одиночка, ее сын Славка, дядя Володя, по прозвищу «Гусь-Хрустальный», – сидят за столом и ведут неторопли-

вый разговор, перебиваемый лишь игрой Славки на баяне:

– Все играешь, Славка? – спросил дядя Володя.

– Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает – надоело уж. В ушах звенит.

Это была несусветная ложь; Славка изумлялся про себя.

– Хорошее дело, – сказал дядя Володя. – В жизни пригодится...

– Я говорила с ихним учителем-то: шибко, говорит, способный.

Когда говорила?! О боже милостивый!.. Что с ней?

В диалоге Владимира Николаевича и Славки ответную позицию занимает мать, что является нарушением правил речевого поведения. Но оно эстетически оправдано созданием некоторой «спектаклевости» ситуации общения.

Дядя Володя любит поразмышлять о достатке в своем доме. Живет он не хуже других, есть сервант, телевизор, скоро купит софу и медвежью шкуру. Он не замечает, что все эти рассуждения о достатке, о шкурах унижают мать с сыном, перебивающихся от зарплаты до зарплаты, оскорбляют их ожидания. Внутреннее напряжение, достигнув предельно высокой точки в конце диалога, разрешается драматически: «вянет, пропадает» надежда Славкиной матери на устройство личной жизни. Дядя Володя, порассуждав о жизни, выпив рюмку-другую водки, уходит домой:

Дядя Володя вышел. Через две минуты отшел под окнами – высокий, сутулый, с большим носом. Шел и серьезно смотрел вперед.

– Руль, – с досадой сказала мать, глядя в окно. – Чего ходит?..

– Тоска, – сказал Славка. – Тоже ж один кукует.

Мать вздохнула и пошла в кухню готовить ужин [2].

В диалоге рассказа полифонизм переживания героев: тайные, трепетные надежды матери, эгоизм и самодовольство дядя Володи, настроенное отношение к нему Славки. Писатель тонко через разговоры героев подчеркнул их несовместимость.

В рассказе «Даешь сердце!» ветфельдшер Алексей Иванович Козулин, скромный, неприметный человек, неожиданно потревожил ночную тишину села Николаевки, выстрелив два раза из ружья. Как объяснил Козулин, эти выстрелы были своеобразным салютом в честь первой в мире пересадки сердца мертвого человека живому.

Герой рассказа дан в освещении нескольких точек зрения: автора, односельчан, милиционера, председателя сельсовета. Присутствие в рассказе голосов участников действия, их точек зрения придает особую эмоциональную тональность художественному тексту. Между действующими лицами рассказа нет понимания поступка Козулина. Председатель явно не понимает, что произошло в мире:

– Ну, это бывает, бывает, – снисходительно согласился председатель, – пересаживают определенные органы. Почка... и другие.

Это непонимание раздражает фельдшера:

– Другие – да, а сердце впервые. Это же – сердце!

Участковый относится к происшествию снисходительно, с иронией:

– Кстати, – по-доброму оживился участковый, – а чего вы-то салютовать кинулись? Ведь это не по вашей части победа-то – вы же ветеринар. Не кобыле же сердце пересадили.

– Не смейте так говорить! – закричал вдруг фельдшер. И покраснел. Помолчал и тихо и горько сказал: – Зачем вы так?

Диалог предстает как борьба мнений героев произведения. Оценки председателя сельсовета и участкового совпадают. Для них фельдшер «ненормальный»:

– Милиционер и председатель еще некоторое время сидели, глядя на дверь. Потом участковый тяжело перевалился в кресле к окну, посмотрел, как фельдшер уходит по улице.

– У нас таких звали: контуженный пыльным мешком из-за угла, – сказал он.

Председатель тоже смотрел в окно. Ветфельдшер Козулин шел, как всегда, скоро. Смотрел вниз.

– Ружье-то надо забрать у него, – сказал председатель. – А то черт его знает...

Участковый хэкнул.

– Ты что, думаешь, он правда «с приветом»?

– А что?

– Придуривается! Я по глазам вижу... [2]

Односельчане, знавшие Козулина прежде, не любили его: «Он даже бабам не понравился, хоть они уважают мужиков трезвых и тихих. Еще не нравилось, что он одинок». Однако сам автор с сочувствием и симпатией относится к своему герою.

Следовательно, ситуация художественного диалога выявляет развитие действия, характер персонажа, различные точки зрения, позиции действующих лиц, то есть выражает концептуальную информацию текста.

Список литературы

1. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принцип антропоцентрического исследования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 284 с.
2. Шукшин В.М. Собрание сочинений в шести томах. М.: «Молодая гвардия», 1992. Т. 2. 560 с.

THE FUNCTIONS OF THE DIALOGUE IN A FICTION TEXT*G.G. Khisamova*

Dialogue in fiction is treated as an open dynamic system. Its description presupposes bringing out particular characteristics of its functioning. This article is devoted to revealing the functions of dialogue in the short stories of V.M. Shukshin.

Keywords: dialogue, function, fiction text, literary character.